

О рефлексах праиндоевропейских долгих слоговых сонантов в латыни

В статье исследуются рефлексы долгих слоговых сонантов в латыни. Согласно традиционным представлениям, сочетания $*\text{Ṛh}_1$, Ṛh_2 , Ṛh_3 в латыни отражаются как $\bar{l}\bar{a}$, $\bar{r}\bar{a}$, $\bar{n}\bar{a}$, $\bar{m}\bar{a}$, при сокращении долгот – как al , ar , an , am . Однако существует значительное количество форм, которые на месте закономерных Ṛh_1 , Ṛh_2 , Ṛh_3 имеют не эти, а другие рефлексы. Они обычно объяснялись через аналогию. С. Г. Болотов на основании ряда примеров показал, что закономерными рефлексами также являются $\bar{l}\bar{e}$, $\bar{r}\bar{e}$, $\bar{n}\bar{e}$, $\bar{m}\bar{e}$ и $\bar{l}\bar{i}$, $\bar{r}\bar{i}$, $\bar{n}\bar{i}$, $\bar{m}\bar{i}$. В статье показывается, что это наблюдение верно, рассматриваются два новых возможных примера на $\bar{l}\bar{i}$ < $*\text{Ṛh}_1$: gliscō ‘постепенно увеличиваться, усиливаться; разгораться’ и glis , gliris ‘соня, Sciurus glis’. Также на основании таких слов, как лат. glōs , glōris ‘золовка, сестра мужа’, flōs , flōris ‘цветок’ и т.д. делается вывод, что еще одним рефлексом $*\text{Ṛh}_1$ служит $\bar{r}\bar{o}$. Соответственно, для латыни можно предположить следующую схему рефлексации долгих слоговых сонантов: и.-е. $*\text{Ṛh}_1$ > лат. $\bar{R}\bar{i}$, $\bar{R}\bar{e}$, $\bar{R}\bar{a}$; и.-е. Ṛh_2 > лат. $\bar{R}\bar{a}$; и.-е. Ṛh_3 > лат. $\bar{R}\bar{o}$, $\bar{R}\bar{a}$.

Ключевые слова: праиндоевропейский язык, латинский язык, долгие слоговые сонанты, изменения по аналогии, параллельные рефлексы.

В науке принято считать, что праиндоевропейские долгие слоговые сонанты $*\bar{l}$, $*\bar{r}$, $*\bar{n}$, $*\bar{m}$ ($*\bar{R}$), являющиеся по своей сути сочетанием слогового сонанта с ларингалом, а именно $*\text{Ṛh}_1$, $*\text{Ṛh}_2$, $*\text{Ṛh}_3$, в латыни отражаются как $\bar{l}\bar{a}$, $\bar{r}\bar{a}$, $\bar{n}\bar{a}$, $\bar{m}\bar{a}$; схематически можно изобразить подобный переход как $*\text{CR}\bar{h}\text{C} > \text{CR}\bar{a}\text{C}$ (Schrijver 1991: 183; Sihler 1995: 102). На основании сравнения лат. $(g)n\bar{a}tus$ ‘сын’ с пелигнской формой CNATOIS dat. pl. ‘рожденным; детям’ < $*\hat{g}nh_1\text{-to}$ переход $*\text{CR}\bar{h}\text{C} > \text{CR}\bar{a}\text{C}$ реконструируется и для праиталийского состояния (Meiser 2017: 746).

У долгих сонантов есть также полученные при сокращении долгот рефлексы al , ar , an , am (Stolz 1894: 113–114; Болотов 2012: 90–92), признаваемые одними исследователями и отвергаемые другими. Для простоты изложения я пока не буду касаться сокращенных рефлексов и сосредоточусь только на тех, которые содержат в латыни долгий гласный.

Собрав весь доступный материал, П. Схрейвер (Schrijver 1991: 173–184) счел наиболее убедительными следующие 11 примеров перехода $*\text{CR}\bar{h}\text{C} > \text{CR}\bar{a}\text{C}$ (сохранена оригинальная нумерация примеров, принадлежащая автору книги):

3. clāmare ‘кричать’, clārus ‘ясный (изначально о звуках)’ < $*k\bar{l}h_1\text{-m-}$ и $*k\bar{l}h_1\text{-ro-}$, производящий корень $*kleh_1\text{-}$ ‘кричать’ (LIV²: 361–362);

5. crābrō ‘шершень’ < $*kr\bar{h}s\text{-}(r\bar{o}n)\text{-}$;

10. flāre ‘дуть, веять’ < $*b^h\bar{l}h_1\text{-}$, глагольный корень $*b^h\bar{l}eh_1\text{-}$ ‘выть, завывать > дуть, веять’ (LIV²: 87);

13. nāscō ‘рождать(ся)’ < $*\hat{g}nh_1\text{-s}\bar{k}e/o\text{-}$, глагольный корень $*\hat{g}enh_1\text{-}$ ‘рождать(ся)’ (LIV²: 163–165);

14. gnārus ‘сведущий; знакомый’ < $*\hat{g}nh_3\text{-ro-}$, глагольный корень $*\hat{g}neh_3\text{-}$ ‘узнавать; знать (человека и т. п.)’ (LIV²: 168–170);

16. grānum ‘зерно’ < $*\hat{g}r\bar{h}\text{-no-}$;

17. *grātus* ‘приятный, милый; благодарный’ < *g^wrH-to-, глагольный корень *g^werH- ‘выражать одобрение, почитание’ (LIV²: 210–211);

19. *lāna* ‘шерсть’ < *HulHn-eh₂;

20. *lātum* sup. от *ferō, ferre* ‘нести’ < *t_lh₂-to-, глагольный корень *telh₂- ‘поднимать’ (LIV²: 622–623);

23. *plānus* ‘плоский, ровный’ < *p_lh₂-no-;

28. *strātus* ‘посланный’, part. pf. p. от *sternō* ‘стлать, расстилать; распространять’ < *st_rh₃-to-, глагольный корень *sterh₃- ‘расстилать, расширять’ (LIV²: 599–600).

Также он перечисляет пять возможных (possible) примеров и еще 12 неясных (uncertain), из которых целесообразно привести только первые:

1. *clādes* ‘несчастье, бедствие, ущерб’ < *k_lh₂d^heh₁-;

2. *clām* ‘тайно, тайком’ < *k_lh₂-m;

15. *grāculus* ‘галка’ < *gr_h1- ?

21. *plācāre* ‘успокаивать’ < *p_lHk-;

26. *rādix* ‘корень’ < *wr(e)h₂d- (Schrijver 1991: 184).

Дальнейший разбор этих и некоторых подобных примеров с Rā можно найти в работах (Sihler 1995: 103–105; Болотов 2012: 85–90).

Необходимо сразу отметить, что в списке П. Схрейвера надежных примеров на переход *C_rh₁C > CRāC насчитывается всего три, хотя они и выглядят бесспорными (*clāmāre, flāre* и *nāscō*), а случаев с переходом *C_rh₃C > CRāC всего два (*gnārus* и *strātus*).

При этом в латыни имеется значительное количество контрпримеров, т. е. форм, в которых с точки зрения морфологии ожидалось бы употребление нулевой ступени, но реальные рефлексы отличаются. Чаще всего они объясняются различными исследователями как исключения — рефлексы, полученные по аналогии (иногда во избежание омонимии с похожими формами).

Например, П. Схрейвер в главе, посвященной изучению рефлексов долгих слоговых сонантов, в небольшом разделе «1.3.3. Предполагаемый тройной рефлекс» разбирает три латинских примера — (*g*)*nōscō* ‘знакомиться, узнавать’ и (*g*)*nōtus* ‘известный, знакомый’; *plēnus* ‘полный’; и *sprētus*, part. pf. от *spernō, -ere* ‘отделять; отвергать’ (Schrijver 1991: 184). Следуя за М. Майрхофером, он объясняет (*g*)*nō-* в (*g*)*nōtus* как аналогическую полную ступень, взятую из перфекта или старого корневого аориста; ее появление при этом, по его мнению, скорее всего было обусловлено устранением нежелательной омонимии с праформами *gnāskō ‘рождаться’ > лат. *nāscor* и *(*g*)*nātus* ‘рожденный’ > (*g*)*nātus* ‘сын’ (Mayrhofer 1987: 103; Schrijver 1991: 184). Соответственно, в *plēnus*, как считает исследователь, отражена не закономерная для этой формы нулевая ступень *p_lh₁-, а аналогическая полная ступень *pleh₁-, вновь появляющаяся для устранения омонимии с *plānus* ‘плоский, ровный’ (Schrijver 1991: 184). Наконец, *sprētus* получает свой вид вместо ожидаемого #*sprātus* < *spr_rh₁-to- уже по причине уподобления перфекту *sprēui* с целью большей унификации парадигмы (Schrijver 1991: 184).

Похожим образом проблему такого рода форм решает М. де Ван в «Этимологическом словаре латыни и других италийских языков»: он объясняет практически так же и форму (*g*)*nōtus*, и форму *plēnus*, и причастие *sprētus* (Vaas 2008: 414, 473, 580).

Подобных слов на самом деле больше: например, от глагола *terō, -ere* ‘тереть’, который восходит к корню *terh₁- ‘тереть’, образуется причастие *trītus* ‘тертый’. Оно должно отражать *tr_rh₁-to-, однако, если признавать закономерным переходом *R_h > Rā, стоило бы ожидать отражения этой праформы в виде #*trātus*. Поэтому Э. Зилер считает формы *trītus* ‘тертый’ и перфект *trīui* неясными (Sihler 1995: 103), а П. Схрейвер предполагает для их трактовки наличие у этого корня немотивированного расширения *-i- (Schrijver 1991: 244–245); такое же мнение высказывается в (Vaas 2008: 616).

В статье «Троякое отражение индоевропейских долгих слоговых сонантов в латыни» С. Г. Болотов собрал подобные случаи и предложил альтернативную трактовку (Болотов 2012). Исследователь установил, что многие исключения относятся к одному морфологическому классу: это глаголы с V-корневыми перфектами на *-uī*, которые восходят к корням с конечным ларингалом и супин которых бывает как долгим, так и кратким: «количество гласного в Sup. зависит от двух факторов — морфологического (а именно, долгота сопоставлена Pts. с инхоативным *-sc-*) и фонетического (в самом деле, из неинхоативов долготу имеют либо корни, традиционно относимые к классу содержащих $*\bar{l}$, $*\bar{r}$, $*\bar{n}$, $*\bar{m}$, либо такие, для которых придумываются различные морфологические ухищрения и многоступенчатые аналогические преобразования: группы 1 и 3)» (Болотов 2012: 92–94).

К группам 1 и 3 относятся такие глаголы, как *flēre* ‘плакать’ и *spernere* ‘отделять; отвергать’:

1) Inf. <i>flē-re</i>	Perf. <i>flē-uī</i>	Sup. <i>flē-tum</i>
3) Inf. <i>sper-n-e-re</i>	Perf. <i>sprē-uī</i>	Sup. <i>sprē-tum</i>

Полная таблица со всеми глаголами и их формами приводится в (Болотов 2012: 93–94).

В связи с этими наблюдениями исследователь предложил считать *Rī* и *Rē* такими же закономерными рефлексами сочетаний вида $*\bar{r}h$, как *Rā*. Он приводит следующие примеры для латинских рефлексов долгих слоговых сонантов вида *Rē* (Болотов 2012: 96–99):

1. *flētum* (Sup.; Perf. *flēuī* от *fleō*, *flēre* ‘плакать’) < $*b^h_1h_1$ -to-, ср. лит. *bilti*, *-sta* ‘говорить’;
2. [*dē*]-*lētum* (Sup.; Perf. [*dē*]-*lēuī* от *dēleō*, *dēlēre*) ‘уничтожать’ < $*(s)tv_1$ -to-, ср. лит. *tvilti* ~ *svilti* ‘тлеть, поджариваться’;
3. *plēnus* ‘полный’ < $*pl_1h_1$ -no- наряду с [*com*]-*plētum* (Sup.; Perf. *-plēuī* от *-pleō*, *-plēre* ‘наполнять’) < $*pl_1h_1$ -to-, ср. др.-инд. *pūrṇá-* ‘полный’;
4. 1crētum (Sup.; Perf. *crēuī* от *cernō*, *cernere* ‘разделять’) < $*k_1r_1h_1$ -to-, ср. праслав. $*\text{сър-т-а}$ ‘черта’, первоначально ‘межа’;
5. 2crētum (Sup.; Perf. *crēuī* от *crēscere* ‘расти’) < $*k_1r_1h_1$ -to-;
6. *crēber* ‘частый’ < $*k_1r_1h_1b^h$ -, ср. лит. *kirb(žd)ėti* ‘кишеть’;
7. *extrēmus* ‘крайний’ < $*eḡs-tr_1h_2$ -mo- от корня $*ter_2$ - ‘проходить, пересекать’ (LIV²: 633–634);
8. *frēnum* ‘уздечка, удила’ < $*d^h_1r_1h_1ḡ^h$ -no-, ср. лит. *dīrginti* ~ *dīrgyti* ‘дергать, раздражать, возбуждать’, рус. *дергать*;
9. *frētus* ‘полагающийся, доверяющий’ < $*d^h_1r_1h_1$ -to-, ср. лит. *dir̃ti* ‘обдирать’.
10. *postrēmus* ‘последний’ < $*post-r_1h_2$ -mo-;
11. *sprētum* (Sup.; Perf. *sprēuī* от *spernō* ‘отделять; отвергать’) < $*spr_1h_1$ -to-, ср. др.-инд. *sphurāti* VI ‘отталкивать(ся) ногой’;
12. *strēna* ‘предзнаменование’ < $*h_2str_1h_2(s)n$ -eh₂, ср. *stēlla* ‘звезда’ < $*stērlā$;
13. *strēnuus* ‘крепкий, сильный’; ‘бодрый; проворный; деятельный; беспокойный’ < $*str_1h_1$ -no-, ср. лит. *stiṛnas*, *stirnùs* ‘твердый, жесткий, черствый; тугой, плотный; упругий, пружинистый’ и др.-инд. *sthirá-* ‘твердый, крепкий’;
14. *suprēm-us* ‘высший’ [? $*sup_1h_2m$ -os];
15. *nētum* (Sup; Pf. *nēuī* от *neō*, *nēre* ‘прясть’) < $*nē-je$ -si < $*snē-$ < $*sṇ_1-$ ($*sṇ_1h_1-$) ‘прясть’; *nētum* < $*sṇ_1h_1$ -to-. В настоящем времени может продолжать древний атематический презент $*sneh_1$ -ti (Schrijver 1991: 403–404; LIV²: 572).

На рефлексы долгих слоговых сонантов вида *Rī* С. Г. Болотов находит такие примеры (Болотов 2012: 100–101):

1. *clitellae* < $*cl_1$ -ter-l-āi ‘вьючное седло’ < $*k_1l_1$ -ter-leh₂-, ср. лит. *kilti* ‘подниматься, вставать; возвышаться’;

2. *crībrum* ‘сито, решето’ < *kr̥Hs-ro-, ср. греч. κρησέρα ‘сито (для просеивания муки)’ (Chantraine 1968–1980: II, 582d);

3. *crīnis* ‘волосы’, ‘щупальцы’ < *kr̥Hs-ni-, ср. лит. širỹs (4) ‘щетина’; рус. шерсть;

4. *prīmus* ‘первый’ < *pr̥H-mo-, ср. скр. pūrōá-; лит. pirmas первый;

5. *scrīnium* ‘ящик, ларец (для бумаг)’ < *skr̥Hs-ni-, ср. лит. skirti, -ia, skýrė ‘раз-, выделять, отводить (место)’ с такими именными производными в балтийских языках, как лит. skĩrsnis (1) и skiřsnis (2), skĩrsnỹs (4), -io m. ‘раздел, глава’; лтш. šķĩrst |s [šķĩrst̩s²] ‘сундук, ларь’;

6. *trītum* (Sup.; Perf. trīuī от ter-ō, -ere ‘тереть’) < *tr̥h₁-to-, ср. греч. τῆραω ~ ᾠ, Aor. ἔτρησα ‘просверливаю’, τρητός ‘просверленный’ (Болотов 2012: 100–101).

Не все этимологии, приведенные С. Г. Болотовым, являются общепринятыми. Тем не менее, следующие 8 примеров бесспорны и консенсусны, для них исследователям приходится придумывать аналогические замены нулевой ступени полной и т. п.:

*Rē

1. *flētum* < *bʰl̥h₁-to- от *bʰleh₁-;

3. *plēnus* < *pl̥h₁-no-;

4. ¹*crētum* < *kr̥h₁-to-;

5. ²*crētum* < *kr̥h₁-to-;

11. *sprētum* < *spr̥H-to-

15. *nēt-um* < *sn̥h₁-to-;

*Rī

4. *prīmus* < *pr̥H-mo-;

6. *trītum* < *tr̥h₁-to-.

Здесь не может не броситься в глаза следующий факт: надежных случаев перехода сочетаний вида *Cṛh₁C и *Cṛh₃C в CRāC, которые были приведены выше, меньше, чем самых убедительных из собранных С. Г. Болотовым контрпримеров, то есть таких слов, в которых последовательность *CṛHC отражается каким-то иным образом, нежели CRāC. Более того, многие контрпримеры относятся к базисной и частотной лексике (достаточно упомянуть *plēnus* ‘полный’ и *prīmus* ‘первый’), а это само по себе снижает вероятность аналогического происхождения подобных слов и является дополнительным аргументом в пользу реконструкции С. Г. Болотова. И действительно, гораздо логичнее считать, что подобные случаи не вызваны различными аналогиями, а просто являются закономерными рефлексам, находящимися в до сих пор непонятном распределении с признаваемыми всеми рефлексам вида Rā; тогда целые классы одинаково устроенных форм получают единообразное толкование.

Представляется, что дополнительным аргументом в пользу правомерности рефлексов Rī и Rē могут служить другие убедительные этимологии, в том числе не связанные с группой глаголов, имеющих перфекты на -uī, ведь таких примеров, которые при этом консенсусно возводились к корням с ларингальным, в статье С. Г. Болотова практически нет, за исключением слова *prīmus* ‘первый’.

Я считаю, что есть еще как минимум два заслуживающих внимания возможных случая, где и.-е. *R̥h₁- дает Rī.

1. Латинский глагол *glīscō* ‘постепенно увеличиваться, усиливаться; разгораться’ традиционно, еще со времени А. Фика сравнивался с др.-инд. *jrāyati* ‘расширяется, распространяется’ и такими формами, как др.-инд. *jrāyas-* ‘расстояние; протянутая поверхность’ и авест. *zrayah-* ‘море’ (Fick 1874: 78; Forsmann 2004).

Исходя из предположения, что рассматриваемый корень *glī-* можно теоретически возводить к праформе вида *GṛH-, можно думать о реконструкции *gṛH-ske/o- < *gelH-

‘Macht bekommen über’ (LIV²: 185–186). Когнатами латинского слова в таком случае будут служить арм. *kalum*, аор. *kalaw* ‘хватать’ (также супплетивный аорист к *unim* ‘иметь; хватать’), лит. *galiù*, *galėti* ‘мочь’.

С точки зрения семантики можно отметить, что изначальным значением глагола могло бы быть ‘овладевать, усиливаться’, и оно хорошо подходит к многочисленным контекстам с огнем, которые, как установил К. Мусси, являются практически самыми древними (Moussy 1975: 51–53).

2. Слово *glis*, *gliris* ‘соня, Sciurus glis’ сравнивалось с древнеиндийскими формами *giri-*, *girikā-* ‘мышь’, которые засвидетельствованы только в лексикографических источниках, а также похожими формами в иранских языках, ормури *gilak* и бахтиари *girza* ‘крыса’ (Schrijver 1991: 242–243; Maqrhofer 1956–1980: 336). При этом ормури *gilak* может восходить к праформе *g_ǵda_{ka}-, имя деятеля от ир. *g_ǵd- ‘домогаться, желать’ (Ефимов 1985: 51; Ефимов 1986: 128). В любом случае, лат. *glis* однозначно связано с греч. *γαλέη* ‘ласка; куница’ (Beekes 2010: 257). В греческом можно напрямую реконструировать для *γαλέη*-праформу *g_ǵh₁-, аналогично и для латыни можно восстанавливать *g_ǵh₁-s, а не *g_ǵh₁-is, как это делается в Schrijver 1991: 242 на основании сравнения с плохо документированным др.-инд. *giri-* ‘мышь’.

Реконструкция *g_ǵh₁-s к тому же не противоречит морфологии: в латыни и не только встречаются корневые имена с нулевой ступенью, причем особо архаичные, ср. *cor*, *cordis* ‘сердце’ и т. д. В греческом же в *γαλέη*, выходит, наблюдается вторичная тематическая основа, заменившая древнее корневое имя.

Несмотря на то, что правомерность фонетического перехода *R̥H > лат. *Rē* и *Rī* представляется на основании приведенных данных надежно обоснованной, неясным остается распределение рефлексов.

С. Г. Болотов приводит таблицу со следующим распределением (Болотов 2012: 92):

и.-е.	лат.
*l̥ ₁ , *r̥ ₁ , *n̥ ₁ , *m̥ ₁ , < *lh ₁ , *rh ₁ , *nh ₁ , *mh ₁	<i>lī</i> , <i>rī</i> , <i>nī</i> , <i>mī</i>
*l̥ ₂ , *r̥ ₂ , *n̥ ₂ , *m̥ ₂ , < *lh ₂ , *rh ₂ , *nh ₂ , *mh ₂	<i>lē</i> , <i>rē</i> , <i>nē</i> , <i>mē</i>
*l̥ ₃ , *r̥ ₃ , *n̥ ₃ , *m̥ ₃ , < *lh ₃ , *rh ₃ , *nh ₃ , *mh ₃	<i>lā</i> , <i>rā</i> , <i>nā</i> , <i>mā</i>

Подобные выводы явно противоречат данным: очевидно, что надежные примеры как на *Rē*, так и на *Rī* восходят к праформам с первым ларингалом (*flētum* < *b^hl̥h₁-to-; *plēnus* < *pl̥h₁-no-; *1crētum* и *2crētum* < *kr̥h₁-to-; *prīmus* < *p_{r̥}h₁-mo-; *trītus* < *tr̥h₁-to- и т. д.), а большая часть слов, содержащих *Rā* – к праформам со всеми тремя ларингалами (см. выше список, составленный П. Схрейвером). Это распределение заставляет думать о том, что у *R̥h₃- мог бы быть еще один рефлекс.

Я полагаю, что есть три хороших примера, указывающих на возможность фонетического перехода *R̥h₃ > лат. *Rō*, который в таком случае параллелен переходу *R̥h₃ > греч. *Pω*.

1. Лат. *glōs*, *glōris* ‘золовка, сестра мужа’ родственно греч. *γαλώς* ‘золовка’, в котором, вероятно, корень *γαλό-* можно возводить напрямую к *g_ǵh₃-. Если это так, тогда и латинскую праформу для *glōs* допустимо реконструировать в виде *g_ǵh₃-s, что дает однозначное соответствие. Реконструкция *g_ǵh₃-wo- с суффиксом *-w- находит подтверждение в ст.-слав. *зълѡва* ‘золовка’ и арм. диал. *talw* наряду с формой *tal* ‘золовка’ (Martirosyan 2010: 596–597).

Даже в том случае, если исходная форма именно *γαλαϝ-ος < *g_ǵh₂-ōw-(o)s, как считает Р. Бекес на основании привлечения глоссы Гезихия *γαλαός* (Beekes 1976: 13–15; Beekes 2010: 259), все равно *glōs* удачнее всего трактуется как *g_ǵl̥-s (*g_ǵl̥H-s), иначе, как отмечается в Schrijver 1991: 131 и в Beekes 2010: 259, неясно отсутствие в латыни ларингала —

при реконструкции $*\hat{g}lh_2\text{-}\bar{o}w\text{-}s$ ожидаемым рефлексом должен быть $\#gal\bar{o}s$. Но реконструкция с $*h_3$ выглядит предпочтительной, поскольку опирается на более распространенную греческую форму.

2. Похожим по форме на $gl\bar{o}s$, $gl\bar{o}ris$ является лат. $fl\bar{o}s$, $fl\bar{o}ris$ ‘цветок’, родственное др.-англ. $bl\bar{o}wan$ ‘цвести’ < прагерм. $bl\bar{o}an\text{-}$, гот. $bl\bar{o}man$ ‘цветок’ < прагерм. $*bl\bar{o}man\text{-}$; др.-ирл. $bl\bar{a}th$, ср.-валл. $blawd$ ‘цветок’ (Kroonen 2013: 69–70). По данным германских и кельтских языков ясно, что необходимо реконструировать $*b^hlh_3\text{-}$, что делает возможной трактовку $fl\bar{o}s$ как $*b^hlh_3\text{-}s$ при признании закономерности фонетического перехода и.-е. $*lh_3 >$ лат. $l\bar{o}$. И в данном случае подобная реконструкция предпочтительнее, потому что ожидаемый рефлекс $*b^hlh_3\text{-}\bar{o}s$ — а именно такую праформу вынуждены реконструировать для объяснения в этом слове \bar{o} — $\#fal\bar{o}s$ (Schrijver 1991: 131).

3. $(g)n\bar{o}tum$ (Sup.; Pf. $(g)n\bar{o}i\bar{i}$ от $(g)n\bar{o}sc\bar{o}$, $(g)n\bar{o}scere$ ‘знакомиться, узнавать’), на мой взгляд, допустимо возводить напрямую к $*\hat{g}nh_3\text{-}to$, а соответствующий презенс — к $*\hat{g}nh_3\text{-}s\bar{k}e/o\text{-}$.

Для этого глагола непонятна имеющаяся вариативность с такими формами, как $gn\bar{a}rus$ ‘сведущий, знающий; знакомый’, также не объясняется наличие сокращенных вариантов супина вроде $co\text{-}gn\bar{i}\text{-}tum < *co\text{-}gn\bar{o}\text{-}tum$ (или $*co\text{-}gn\bar{a}\text{-}tum$). С другой стороны, при традиционной трактовке имеются ровно те же проблемы.

Также имеет смысл перечислить более сомнительные случаи.

Во-первых, к $gl\bar{o}s$ и $fl\bar{o}s$ может примыкать слово $m\bar{o}s$, $m\bar{o}ris$ ‘нрав, обычай’, если оно связано с греч. $\mu\bar{\omega}\mu\alpha\iota$ ‘стремиться, добиваться’ (Walde 1938–1956: 115) или образовано от омонимичного корня вида $*meh_3\text{-}$ с неизвестным значением.

Заслуживает внимания в этой связи и лат. $gl\bar{o}ria$ ‘слава’. Данное существительное не имеет убедительной этимологии (Walde 1938–1956: 609–610; Ernout & Meillet 2001: 277; Vaan 2008: 265–266). Предположение Ф. Рибеццо о диссимилиации из $*gr\bar{o}\text{-}ria < *gn\bar{o}\text{-}ria < *\hat{g}neh_3\text{-}ro\text{-}$ представляется маловероятным ввиду существования $gn\bar{a}rus$ ‘сведущий, знающий; знакомый’, в котором подобная диссимилиация не происходит (Ernout & Meillet 2001: 277). Можно думать о возведении этой лексемы к незасвидетельствованному $*gr\bar{o}rus < *g^wrh_3\text{-}ro\text{-}$ или $*gr\bar{o}\text{-}s < *g^wrh_3\text{-}s$ (?) от корня $*g^werH\text{-}$ ‘выражать одобрение, почитание’ (LIV²: 210–211), который должен в таком случае реконструироваться с третьим ларингальным. При принятии этой этимологии в латыни снова будет наблюдаться существование параллельных форм с рефлексом вида $R\bar{a}$ и рефлексом вида $R\bar{o}$, аналогичное наличию этимологически связанных форм $n\bar{o}scere$ ‘знакомиться, узнавать’ и $gn\bar{a}rus$ ‘сведущий, знающий; знакомый’, потому что есть лат. $gr\bar{a}tus$ ‘приятный, милый; благодарный’ $< *g^wrh_3\text{-}to\text{-}$ ($*g^wrH\text{-}to\text{-}$), производное от того же корня.

Наконец, представляется крайне сомнительной с семантической точки зрения, но формально возможной деривация $pl\bar{o}r\bar{a}re$ ‘горько плакать, отчаянно рыдать’ от $*plh_3\text{-}go\text{-} < *pleh_3\text{-}$ ‘плыть, течь’ (LIV²: 485).

Итак, для латыни можно предположить следующую схему рефлексации долгих слоговых сонантов:

и.-е.	лат.
$*lh_1$ $*rh_1$ $*nh_1$ $*mh_1$	$l\bar{i}$, $r\bar{i}$, $n\bar{i}$, $m\bar{i}$ / $l\bar{e}$, $r\bar{e}$, $n\bar{e}$, $m\bar{e}$ / $l\bar{a}$, $r\bar{a}$, $n\bar{a}$, $m\bar{a}$
$*lh_2$ $*rh_2$ $*nh_2$ $*mh_2$	$l\bar{a}$, $r\bar{a}$, $n\bar{a}$, $m\bar{a}$
$*lh_3$ $*rh_3$ $*nh_3$ $*mh_3$	$l\bar{o}$, $r\bar{o}$, $n\bar{o}$, $m\bar{o}$ / $l\bar{a}$, $r\bar{a}$, $n\bar{a}$, $m\bar{a}$

Как уже говорилось в начале статьи, случаи с сокращенными рефлексами не учитываются. Дополнительные рефлексы и для них приводятся в работе С. Болотова (2014), но ситуация куда менее ясная.

Из таблицы следует, что имеются параллельные рефлексы; более того, при обращении к конкретному языковому материалу выясняется, что в латыни есть несколько дублетов вида $R\bar{i}$, $R\bar{e}$, $R\bar{o}$ / $R\bar{a}$.

1. *flētum* (Sup.; Perf. *flēuī* от *fleō*, *flēre* ‘плакать’) < *b^hl_{h1}-to- / *flātum* (Sup.; Perf. *flāuī* от *flō*, *flāre* ‘дуть, веять’) < *b^hl_{h1}-to-.

Данные два слова признаются происходящими от одного корня в том числе в работах (Schrijver 1991: 402–403; LIV²: 87; Vaan 2008: 226–227); впрочем, М. де Ван рассматривает возможность разделения двух слов ввиду значительной семантической дистанции.

2. (*g*)*nōtus* ‘известный, знакомый’, (*g*)*nōtum* (Sup.; Pf. (*g*)*nōiī* от (*g*)*nōscō*, (*g*)*nōscere* ‘знакомиться, узнавать’) < *ǵ_{nh3}-to- / *gnārus* ‘сведущий, знающий; знакомый’ < *ǵ_{nh3}-ro-.

3. *glōria* ‘слава’ < *grō-ria < *g^wṛ_{h3}-ro- или *grō-s- < *g^wṛ_{h3}-s- (?) от *g^wer_{h3}- ‘выражать одобрение, почитание’ / *grātus* ‘приятный, милый; благодарный’ < *g^wṛ_{h3}-to-.

На данном этапе причина такой параллельной рефлексии представляется загадочной. Очевидно, что какое-то фонетическое объяснение ему трудно предложить. Однако попытки ученых объяснять все формы, рассмотренные в этой статье и в работе Болотов 2012, аналогиями, морфологическими перестройками и различными специальными фонетическими правилами выглядят менее привлекательными.

Литература

- Болотов, С. Г. 2012. Троякое отражение долгих слоговых сонантов в латыни. *Индоевропейское языкознание и классическая филология XVI*: 84–107.
- Болотов, С. Г. 2014. Троякое отражение долгих сокращенных слоговых сонантов в латыни. *Индоевропейское языкознание и классическая филология XVIII*: 40–51.
- Ефимов, В. А. 1985. Ударение в языке ормури. *Иранское языкознание. Ежегодник-1981*: 31–64.
- Ефимов, В. А. 1986. *Язык ормури в синхронном и историческом освещении*. Москва: Наука.

References

- Beekes, Robert S. P. 2010. *Etymological dictionary of Greek*. Leiden/Boston: Brill.
- Bolotov, Sergei G. 2012. Trojakoje otrazhenie dolgix slogovyx sonantov v latyni. *Indoeuropejskoje jazykoznanie i klassičeskaja filologija XVI*: 1011–1019.
- Bolotov, Sergei G. 2014. Trojakoje otrazhenie dolgix sokrasčennyx slogovyx sonantov v latyni. I. *Indoeuropejskoje jazykoznanie i klassičeskaja filologija XVIII*: 1011–1019.
- Chantraine, Pierre. 1968–1980. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots*. T. I–IV–2. Paris: Éd. Klincksieck.
- Efimov, V. A. 1986. *Jazyk ormuri v sinkhronnom i istoričeskom osvesčenii*. Moskva: Nauka.
- Efimov, V. A. 1985. Udarenije v jazyke ormuri. *Iranskoje jazykoznanie. Ezhegodnik-1981*: 31–64.
- Ernout, Alfred, Antoine Meillet. 2001. *Dictionnaire étymologique de la langue latine: Histoire des mots*. Retir. de la 4e éd. augm. d’add. et de corr. par Jacques André. Paris: Éd. Klincksieck.
- Fick, August. 1874. *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*. 3te umgearbeitete Auflage. Göttingen: Vandenchoeck & Ruprecht.
- Forssmann, Bernhard. 2004. Vedisch *jri* und lateinisch *gliscere*. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 68(1): 7–29.
- Kroonen, Guus. 2013. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden / Boston: Brill.
- LIV² = Rix, Helmut et al. (eds.). 2001. *Lexicon der indogermanischen Verben*. 2nd ed. Wiesbaden: Reichert.
- Martirosyan, Hrach. 2010. *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden: Brill.
- Mayrhofer, Manfred. 1956–1980. *Kurzgefasstes Etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. 4 Bde. Heidelberg: Carl Winter.
- Mayrhofer, Manfred. 1987. Die Vertretung der indogermanischen Laryngale im Lateinischen. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 100: 86–108.

- Meiser, Gerhardt. 2017. The phonology of Italic. In: J. Klein, B. Joseph, M. Fritz (eds.) *Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics*: 743–751. Berlin / Boston: De Gruyter Mouton.
- Moussy, Claude. 1975. Le sens de *gliscō*. *Revue de Philologie* 49: 49–66.
- Sihler, Andrew L. 1995. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. Oxford University Press.
- Schrijver, Peter. 1991. *The reflexes of the PIE laryngeals in Latin*. Amsterdam/Atlanta: Rodopi.
- Stolz, Franz. 1894. *Historische Grammatik der lateinischen Sprache*. 1 Bd.: *Einleitung, Lautlehre, Stammbildungslehre*. [1] *Hälfte: Einleitung und Lautlehre*. Leipzig: Trübner, 1894.
- de Vaan, Michiel. 2008. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden / Boston: Brill.
- Walde, Alois. 1938–1956. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. 3. neubearb. Aufl. von J. B. Hoffmann. Heidelberg: Carl Winter.

Artem A. Trofimov. On the reflexes of Proto-Indo-European long syllabic resonants in Latin

In this paper, I investigate the reflexes of long syllabic sonants in Latin. It is traditionally believed that the sequences $*\text{R}h_1$, $\text{R}h_2$, $\text{R}h_3$ normally yield Latin reflexes *lā*, *rā*, *nā*, *mā*, but are reflected as *al*, *ar*, *an*, *am* in cases of length shortening. However, there are numerous proto-forms with $*\text{R}H$ showing other reflexes. Researchers typically suggest that these cases are results of analogy; however, Sergei G. Bolotov, having analyzed these examples, has proven that *lē*, *rē*, *nē*, *mē* and *lī*, *rī*, *nī*, *mī* can also be considered regular reflexes. I provide additional evidence that this reconstruction is correct and consider two new examples for $\text{lī} < *iH$: *gliscō* ‘to swell; to increase; to grow in power’ and *glīs*, *glīris* ‘dormouse, Sciurus glis’. In addition, based on such words as Latin *glōs*, *glōris* ‘sister-in-law, husband’s sister’, *flōs*, *flōris* ‘flower’ etc., I conclude that there is one more reflex of $*\text{R}H$, namely *Rō*. Therefore, it is possible to reconstruct the following rules for the development of long syllabic sonants: PIE $*\text{R}h_1 >$ Latin *Rī*, *Rē*, *Rā*; PIE $\text{R}h_2 >$ Latin *Rā*; PIE $\text{R}h_3 >$ Latin *Rō*, *Rā*.

Keywords: Proto-Indo-European, Latin language, syllabic resonants, analogical developments, parallel reflexes.